

Труд — 1989. — 20 дек.

КУЛЬТУРА

Наша встреча со знаменитым театральным мастером Юрием Петровичем Любимовым состоялась в Токио. Визит режиссера был сугубо рабочий — надо было обговорить последние детали гастролей в Японии английской труппы из города Лейстера, собирающейся показать в будущем году «Гамлета» в Любимовской постановке. Совсем недавно общее собрание Театра драмы и комедии на Таганке утвердило Ю. П. Любимова на должность художественного руководителя.

— Юрий Петрович, хотя вы сейчас и за рубежом, но, как когда-то прежде, вновь выступаете в качестве художественного руководителя Театра на Таганке. Скажите, какие цели вы ставили перед собой в самом начале режиссерской работы?

— Когда, став режиссером, я получил театр, сразу понял, что, не создав определенной атмосферы и не определив эстетическое кредо, духовную сущность его направления, не сумею сделать ничего нового и интересного. Поэтому я сразу поставил Управлению культуры довольно жесткие условия своего прихода на Таганку. Отнеслись к ним, понятно, враждебно. Но я был тверд, и с моими требованиями согласились. Только начал свою деятельность в театре, как был снят Хрущев. И я с ходу ощутил гнетущие перемены, хотя начались они исподволь, почти незаметно: художник, наверное, тем и отличается от остальных людей, что ужесточение политики замечает сразу. Потом уже было даже смешно — раза два меня выгоняли. А восстанавливал Брежнев. И когда на меня в очередной раз начинали нажимать, прорабатывать, я уже догадывался: значит, у «самого» со здоровьем становится хуже...

— Что давало и дает вам силы не отчаиваться, твердо отстаивать свои убеждения и удерживать свой театр столь долгое время «на плаву»?

— Я пошел против указания Минкульта, который раньше назначал художественный совет. Добился выборного совета. Хотелось приучить коллектив к самостоятельности. И мне самому это облегчало жизнь. В театре же, знаете, сложно. Всегда какие-то сплетни, как в анекдоте — «доведем критику до уровня кулуарных разговоров». А так я мог говорить: вы выбрали этих людей, вы им и доверяйте. Хотите переизбрать? Пожалуйста. Я только «за»...

Очень благодарен тому кругу друзей, который образовался вокруг театра. Я имею в виду покинувших наш сложный мир Абрамова, Трифонова, Петра Леонидовича Капицу, всегда посещавшего театр и не раз меня выручавшего. А из теперешних — Вознесенский, Моисеев, Альфред Шнитке, Корякин, Евтушенко, Эдисон Денисов...

Кстати, все годы вынужденной работы за границей я чувствовал, что мне не хватает нелицеприятных обсуждений, которые разгорались у нас в те годы. Критика моего совета была гораздо острее, интересней и глубже, чем формальные придирки бюрократов, главным образом страховавших свои кресла и не думавших о том, какую пользу обществу приносит спектакль. скажем, по произведениям Трифонова или Абрамова. Вымарывали все спорное, проблематичное. Они даже не хотели принимать «Мать» Горького только лишь потому, что спектакль был сделан более расширенно и заостренно, чем предполагала традиционная трактовка. Не принимали и спектакль «Что делать?» по Чернышевскому. Ленин говорил: эта книга меня всего перепала. А меня заставляли оставить в спектакле лишь любовный треугольник...

— Если подытожить, то слабые стороны: новые художественные формы, ваш стоицизм, шедший вразрез с давлением «сверху», и мощная поддержка почитателей театра, так?

— Безусловно. Причем я бы назвал поддержку людей в первую очередь. Когда был готов мой первый спектакль «Добрый человек из Сезуана» (об этом много писали, но бесполезно напомнить), пригласили рабочих с заводов «Станколит» и «Борец». Чтобы их руками закрыть спектакль как «студенческий», как «вредный, эстетский, формальный и не нужный нашему народу». Стандартная, клишированная фраза. А после просмотра зрители благодарили чиновников, жали им руки. Так что ничего не вышло. Меня поддерживали и рабочий класс, и интеллигенция.

— Вы снова получили возможность стать активным участником событий на родине. Какой вам представляется нынешняя ситуация в стране?

— Люди поняли, что надо спасать Отечество, всеми силами менять свой образ жизни и свое подгонявшееся под стереотипы мышление. Нужно прежде всего глубоко разобраться в себе, в своих заблуждениях, взглянуть со стороны на былое безоглядное плавание по течению: невозможно нестись как щепки по многоводной реке без осознания своего участия и без мыслей о том, что можно сделать самому, чтобы изменить это течение. Вот оно — пробуждение.

И эта совершенно новая ситуация заставляет меня думать, как дальше вести дело, которому отдана вся жизнь. Ищу вновь, как и 25 лет назад, новые формы существования театра. Я вижу их в прямых контактах со своими коллегами в других странах. И, конечно, театр не должен зависеть от многочисленных и, к сожалению, сохранившихся инстанций. Наросты эти совершенно не нужны... Например, я не слышал ни от одного

крупного деятеля нашей культуры, ни от одного из своих западных коллег ни единого доброго слова о Госконцерте. Или, скажем, Управление культуры Моссовета, которому мы подчинены, считаю совершенно бесполезным образованием для театра.

Стал я искать новые формы независимого сотрудничества и внутри театра, чтобы заинтересовать коллектив. 25 лет — для театра почти старость. Нужно теперь думать, как его оживить, чтобы возникло второе дыхание. Ведь понимаете, с коллективом произошла интересная вещь: долгие годы он чувствовал себя в осаде, как защитник Брестской крепости, а сейчас осада вроде снята, стены упали. Но «осадное

беспокойт, что сегодняшний наш театр при общей политизации жизни уже потерял свою привлекательность как монополярная трибуна выражения передовых идей?

— Нет. Стоит только создать интересные произведения и по форме, и по содержанию, как люди прибегают, и вы уже не достанете билетов. У нас пока проблемы зрителя, слава богу, нет. Но это лишь потому, что мы возобновили «Высоцкого», «Бориса Годунова», пять месяцев работали над оживлением «Живого», поставили новые спектакли — «Пир во время чумы», «Дочь, отец и гитарист». Теперь остается провести ряд реорганизационных мер. Нужно заново собрать театр.

Пробую заключить творческие контракты с ведущими артистами, хотя это и вызывает нездоровые разговоры за спиной. Придя в театр, я задал первый вопрос: сколько вы даете спектаклей в год? Оказалось, 500. Это же поденщина, страшная! Какое тут искусство? Прекратите сейчас же, сказал я. Тогда мне с

Юрий Любимов:

РЕЦЕПТ ДОЛГОЛЕТИЯ

положение», при всех ужасающих издержках, давало мужество, особую силу — я защищаю себя, свои принципы, взгляды. При экстремальных обстоятельствах человек способен на многое. Теперь все иначе, значит, нужно выходить на какие-то новые высоты. Мне кажется, единственно верная и возможная здесь база — эстетика. И работа в спокойной, сосредоточенной атмосфере, чтобы привести себя в форму, стать конкурентоспособными и выйти на мировой «рынок».

Весь вопрос, чтобы в новых условиях создавать настоящие произведения. Тогда не страшна никакая конкуренция. Театр найдет своего зрителя, который оценит его почерк, стиль и лицо. Лицо театра сохранить, правда, очень трудно. Артисты должны быть заражены какой-то общей духовной идеей. Потому что реально мы все равно не можем платить такие деньги, какие зарабатывают крупные актеры «на стороне». И театр всегда будет оставаться искусством, которое должно искать мецената, поддерживающего его. Я никогда не работал в коммерческом искусстве и не буду, и не хочу. Хотя и в этом смысле «Таганка» удивительна, театр 13 лет вообще работал без дотаций. Но нас тогда было мало. И не было этого нового здания, которое просто сжирает все наши запасы своим размахом...

— Готовых рецептов не существует, конечно. Но сегодня, когда на наших глазах происходит кризис в театрах, которые мы всегда считали своим национальным достоянием в искусстве — МХАТ, Большой, — что вы можете предложить в качестве панацеи?

— Рецепты должен находить каждый театр сам. Общих рецептов нет в искусстве. И я считаю, не надо бояться, что тот или иной театр погибнет. Если это случится, значит, ресурсы его исчерпаны и нечего жалеть. Наоборот, нужно давать больше самостоятельности каждому театральному организму. А функции управленческие нужно свести к поощрению талантливых явлений, при условии, что там будут грамотные, образованные люди. Есть вопросы и к Союзу театральных деятелей, который, по-моему, с удовольствием в чем-то начал подменять министерство. Союз, конечно, нужен, но только для защиты артистов, как арбитражная комиссия...

Раз расширились возможности, перестала душить цензура, то мы просто обязаны пройти через множество болезненных процессов. Через них проходят ведь не только экономика и производственные коллективы.

— Если следовать вашей мысли, то в театре, как и в экономике, главное — не мешать естественному ходу вещей?

— Думаю, да. Сейчас высшая мудрость — наблюдать происходящие процессы и всячески содействовать тому, что помогает людям раскрывать свои способности в искусстве. Я все же не политик и не собираюсь ставить политические диагнозы. Остается лишь огорчаться или радоваться событиям...

— Юрий Петрович, а вас не

гордостью доложили — 440. Вы спрашиваете, кому это нужно? Опять парадокс — чтобы получить 13-ю зарплату. Ну а что ему эта 13-я зарплата, хорошему артисту? Один концерт дает месячный оклад. Это же смешно: Высоцкий получал 200 рублей!

— Сегодня многие коллективы в поисках выхода из тяжелого положения прибегают к зарубежным гастролям, все чаще театральные залы Москвы и других городов пустуют...

— Это проблема грустная. Но, во-первых, иностранными гастролями в их нынешнем виде никто ничего не зарабатывает — это лишь стимул, чтобы актеры могли посмотреть другую страну и, извините, как-то прилично одеться. Их заработки в валюте настолько мизерны, что приходится экономить на еде. Надо, чтобы гастроли приносили настоящий доход, чтобы они были коммерческими, более или менее длительными и хорошо организованными. И опять-таки с приятным выходом на зарубежье, а не через посредников, которые паразитируют и отнимают доходы и у нас, и у наших партнеров. Не вставать же и тут в очередь! Сперва поедет Малый, потом поедет «женский» МХАТ, из-за уважения к женщинам, потом «мужской»? Записывайтесь! И химические карандаши дадут — номера на руке писать...

— Юрий Петрович, немного возвращаясь назад: как случилось, что вы оказались отлученным от Родины?

— Я уже говорил о сложных своих взаимоотношениях с чиновным миром. Последние годы перед отъездом были особенно тяжелые для меня, просто как сталинские проработки. Те же тексты, те же слова: гнать его в шею, таким здесь не место, мне стыдно с ним находиться в одной комнате, в одной партии, дышать одним воздухом... И все это совершенно наигранно, с деланным гневом... А Демичев так не раз мне прямо говорил: раз не нравится здесь, поезжайте на Запад и работайте там.

Тем не менее я никогда не рассматривал отъезд из страны как возможный выход из той в общем-то тупиковой для любого художника ситуации. И когда уезжал за рубеж лечиться (у меня было официальное разрешение), не предполагал, чем это обернется для меня и для театра. Когда вскрывали мою квартиру, можно же было видеть, что все на месте — люди позавтракали и уехали. Надо же быть круглым идиотом, чтобы ехать в чужую мать родила! И, наконец, неужели люди, лишившие меня советского гражданства, не понимали, что такое начать за границей в 66 лет «с нуля» жизнь? Так что для меня все случилось как по анекдоту: «Не приходя в сознание, подписал указ»...

— С творческой точки зрения, дали вам что-нибудь годы жизни на Западе?

— Много. Огромный опыт. Я сделал за эти пять лет больше работ, чем за 10 успел бы в Союзе, у себя. На Западе работа гораздо интенсивнее, жестче. Такой темп сильно изнашивает, особенно если у вас нет там никакой материальной базы.

— И последнее, Юрий Петрович. Наших театралов, многих читателей «Труда», конечно же, интересует, над чем вы работаете на Таганке сейчас?

— Мы остановились на Эрммане, на человеке с трудной судьбой, прошедшем лагерь, ссылку. Это будет не только судьба пьесы Эрммана «Самубийца», но и судьба самого автора, то есть все материалы о нем биографического, его письма, воспоминания близких. А сколько было еще подобных трагедий? И посмертных реабилитаций? Не пора ли научиться обращаться по-человечески с живыми?..

С. БУНИН.

[Соб. корр. «Труда»].